

М. Н. КАТКОВЪ.

201-29
7041-7

СОБРАНИЕ
ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ
МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1868 годъ.

—
ИЗДАНИЕ С. П. КАТКОВОЙ.
—

МОСКВА.

—
1897.

№ 105.

Москва, 16-го мая.

А.

Пражскія торжества не могли не отозваться въ русской печати; но въ этомъ дружномъ и сочувственномъ хорѣ особую и странную ноту тянетъ *Новое Время*. Одинъ изъ редакторовъ этой газеты отъправился въ Прагу. За чѣмъ? Какой привѣтъ, какое пожеланіе предполагалъ высказать г. Юматовъ на славянскомъ праздникѣ? Представителемъ какихъ воззрѣній русскаго общества онъ тамъ явился? На эти вопросы отвѣчаетъ напечатанная въ *Новомъ Времени* корреспонденція: „Чехи „смотреть на польскій вопросъ далеко не „съ точки зрѣнія *Голоса*,“ поспѣшаетъ заявить корреспондентъ, который, въ качествѣ адъютанта, пріѣхалъ въ Прагу съ г. Юматовымъ. „Я самъ слышалъ здѣсь „въ Прагѣ лично отъ г. Ригера,“ продолжаетъ онъ, „что еще въ Москвѣ многие „Русскіе благодарили его за гражданское „мужество и за примирительную рѣчь въ „отношеніи къ Полякамъ. Я не былъ въ „Краковѣ и Львовѣ, не знаю, что говорится тамъ въ польскихъ кружкахъ, но „знаю, что въ Прагѣ до сихъ поръ продолжаютъ дружескія отношенія къ Полякамъ. Славянскому міру не достаетъ „zhody (согласія) между Поляками и Русскими. Я слышалъ, какъ Н. Н. Юматовъ, стоя въ кружкѣ Славянъ (Чеховъ, „Хорватовъ и Словаковъ), говорилъ, что „Чехамъ выпала историческая роль примирить Россію съ Польшей.“ Вотъ содержаніе корреспонденціи напечатанной въ *Новомъ Времени*, вотъ faits et gestes одного изъ редакторовъ въ Прагѣ. Онъ пріѣзжалъ туда представителемъ Поляковъ и адвокатомъ Польши; его интересовало настроеніе умовъ заграничныхъ Славянъ относительно Поляковъ и Польши: онъ посвящалъ свои досуги и свое краснорѣчіе устройству польскихъ дѣлъ.... Вотъ по малой мѣрѣ оригинальное упражненіе для русскаго публициста! Чехи, Словаки и Хорваты, въ кружкѣ которыхъ декламировалъ свою идиллію Юматовъ, отзывались, по словамъ корреспондента его газеты, съ одобреніемъ на его слова. Вѣримъ. Для Чеховъ, Словаковъ и Хорватовъ, рѣчь идетъ о томъ, чтобъ отстоять свою не-

зависимость и образовать изъ себя самостоятельные политическіе организмы; Чехи хотять и готовы, какъ говорятъ они устами г. Ригера, „крѣпко стоять за корону С. Вячеслава, терпѣть за нее, биться за нее и, если нужно, за нее умирать;“ того же самаго хотять, мы увѣрены, Хорваты и Словаки относительно своей родины, и стремленія подобнаго рода понятны въ каждомъ изъ западно- и южно-славянскихъ племенъ. Жаль, если имъ менѣе понятна непреклонная воля Россіи удержаться на высотѣ того историческаго значенія, которое она пріобрѣла вѣковыми усиліями, твердая рѣшимость каждаго Русскаго точно также стоять, терпѣть, биться и, если нужно, умирать за цѣлость и единство Русской земли, за границы которой стояли, терпѣли, бились и умирали предки нынѣшнихъ Русскихъ, храня въ памяти древнее имя С. Владиміра и чтя вѣнецъ Мономаха. Г. Юматову слѣдовало бы понимать это, равно какъ и знать то, что единственно вопросъ о цѣлости и единствѣ Россіи, обозначенныхъ этими историческими именами, есть причина распри между Русскими и Поляками.

Къ чему лукавить? *Новое Время*, какъ и *Вѣсть*, представляютъ въ русской журналистикѣ интересы польскіе и фиктивнаго государства именуемаго Польшей, а не Россіи. Это фактъ, котораго ни скрывать, ни отрицать невозможно. Припоминаемъ кетати о томъ, что и деньги, на которыя *Вѣсть* издается, собираются между Поляками западнаго края. Это открытіе сдѣлано было около полугода тому назадъ и брошено въ лицо *Вѣсти* какъ тяжкое обвиненіе, отъ котораго она до сего времени не очистилась. *Волынскія Губернскія Вѣдомости* почерпнули это извѣстіе изъ officialнаго источника, что и было засвидѣтельствовано.

Но если польскія тенденціи *Вѣсти* и *Новаго Времени* выставляютъ руководителей этихъ газетъ въ невыгодномъ свѣтѣ, то, съ другой стороны, нѣтъ худа безъ добра. Фактъ этотъ доказываетъ, во первыхъ, значительный у насъ успѣхъ свободы печати, и, можетъ-быть, служить первымъ признакомъ того, что польскій элементъ начинаетъ входить въ отправление русской жизни. Враждебные Россіи интересы защищаются нынѣ на русскомъ языкѣ; эта ежедневно печатаемая въ двухъ русскихъ газетахъ защита польскихъ ин-

тересовъ читается съ жадностію Поляками, и, благодаря этимъ газетамъ, русскій языкъ и даже русскія буквы впервые получаютъ для нихъ нѣкую прелесть. Съ тѣхъ поръ какъ существуютъ двѣ выше-помянутыя газеты, въ редакціи заграничныхъ листковъ отправляются лишь такія извѣстія, которыя лишены здраваго смысла, между тѣмъ какъ заявленія, имѣющія нѣкоторое притязаніе на правдоподобіе, печатаются въ *Новомъ Времени* и *Вѣсти*. Итакъ, таинственная рука, помимо воли людей, направляетъ все согласно съ своими цѣлями. Но тѣмъ предосудительнѣе усилія упомянутыхъ газетъ маскировать дѣло, которому онѣ служатъ.

Не странно ли въ столбцахъ *Новаго Времени*, газеты ратующей противъ демократовъ и вмѣстѣ съ *Вѣстью* клеймящей этимъ титуломъ русскихъ чиновниковъ западнаго края, встрѣтить выраженія сочувствія „польскому демократическому обществу,“ существующему во Львовѣ, которое одно между всѣми польскими ассоціаціями рѣшилось привѣтствовать славянскій съѣздъ въ Прагѣ? Надобно было во что бы то ни стало приурочить къ пражскимъ торжествамъ Поляковъ, примазать ихъ ко всеславянскому интересу; большинство Поляковъ объявило, что Чехамъ „надлежитъ выбирать между Польшей и Россіей,“ — и вотъ наши покровители крупнаго землевладѣнія откидываютъ свою аристократическую щепетильность, столь брезгливую въ отношеніи къ русскимъ демократамъ, и умиленно жмутъ руку львовскимъ „прославителямъ...“ Какъ же въ самомъ дѣлѣ Чехамъ, Словакамъ и Хорватамъ, которыхъ удостоилъ своей бесѣды г. Юматовъ, не быть благодарнымъ Полякамъ, когда такая могущественная организація какъ „Польское Демократическое Общество“ во Львовѣ, обнадеживаетъ ихъ своимъ сочувствіемъ! Но благосклонность *Новаго Времени* къ демократіи, подъ условіемъ чтобъ она была польскою, есть малѣйшее изъ противорѣчій, къ которымъ неминуемо приводитъ русскихъ полонофиловъ недобрый путь которымъ они слѣдуютъ. Такъ, напримѣръ, *Вѣсть*, сохранявшая, какъ извѣстно, пренебрежительное молчаніе о прошлагоднемъ съѣздѣ Славянъ, не хотѣвшая знать ихъ рѣчи и заявленія сочувствія къ Россіи, почтила своимъ вниманіемъ написанныя г. Ливчакомъ въ какомъ-то частномъ альбомѣ

четыре строки, въ которыхъ онъ говорилъ, что счастлива-де та страна, которая имѣетъ національное и патріотическое дворянство. Что же проповѣдуетъ *Вѣсть* русскому дворянству, къ которому она исключительно обращается и образу мыслей коего она претендуетъ служить будто бѣглымъ отраженіемъ? Съ самой той минуты, какъ сдѣлалось извѣстнымъ о недостаткѣ продовольствія въ значительной полосѣ Россіи, она не переставала глумиться надъ массами голодающихъ русскихъ населеній, но за то ровно три раза въ недѣлю оумиляется надъ судьбой вчерашнихъ повстанцевъ и плательщиковъ ржонду. Можетъ-быть съ ея точки зрѣнія такъ и слѣдуетъ поступать, но ужь конечно глумленіе надъ голодающими братьями, хотя бы и крестьянами, не обнаружило бы со стороны русскаго дворянства, еслибъ оно дѣйствительно было солидарно съ *Вѣстью*, ни національныхъ и патріотическихъ чувствованій, ни способности удерживать за собой первенствующее политическое положеніе для счастья страны своей. Зачѣмъ изображать польское дворянство тѣмъ, чѣмъ оно въ дѣйствительной польской исторіи никогда не было? Зачѣмъ внушать русскому дворянству страсти, подъ властію которыхъ оно перестало бы быть тѣмъ, чѣмъ оно въ русской исторіи всегда было и есть досель? Для достиженія какой національной и политической цѣли нужно, чтобы польское дворянство было равноправно съ русскимъ, а русское единомысленно съ польскимъ?

Въ концѣ апрѣля 3-го апрѣля въ Казалинскѣ (фортъ № 4) получено было извѣстіе о задержаніи въ Бухарѣ, въ концѣ февраля, русскихъ купцовъ. Верблюды были у нихъ отобраны для передвиженія бухарскихъ войскъ. 10-го марта задержаннымъ удалось послать въ фортъ № 1 нарочнаго съ описаніемъ совершившагося событія и съ просьбой о помощи. Около того же времени выѣхалъ изъ Ташкента бухарскій посланникъ, не придя ни къ какимъ соглашеніямъ, и на границахъ появились бухарскія шайки; такъ что не остается повидимому, никакого сомнѣнія относительно враждебныхъ дѣйствій бухарскаго эмира. Туркестанское генераль-губернаторство обладаетъ болѣе чѣмъ достаточными си-

лами и средствами, чтобъ исходъ борьбы, если безъ нея дѣло не обойдется, не подлежало сомнѣнію. Точно также вѣрно и то, что русскіе купцы не должны подвергаться потерямъ вслѣдствіе грубаго произвола азіатскихъ властителей. Если бухарскій эмиръ будетъ знать, что всѣ убытки, которые онъ причинитъ русскимъ подданнымъ, будутъ возмещены изъ его казны, то, конечно, это послужитъ для него доброю уздой.

Нельзя при этомъ случаѣ не вспомнить о дѣйствіяхъ нашего правительства относительно купцовъ, коихъ имущество было разграблено въ Чугучакѣ въ 1854 года (Щербачевъ, Хатовъ, Катышевцевъ, Самсоновъ, Мамонтовъ и русскіе Татары). Вслѣдствіе настоятельныхъ требованій, вся цѣнность разграбленнаго имущества была Китайцами возвращена пострадавшимъ сполна.

№ 106.

Москва, 17-го мая.

Мы должны покаяться предъ *Вѣстью* и *Новымъ Временемъ*. По зрѣломъ размышленіи, мы убѣдились, что эти органы были правы въ своихъ отзывахъ о русской администраціи западнаго края. Это были, дѣйствительно, крайніе революціонеры и мятежники; это было, дѣйствительно, нѣчто похожее на заговоръ, — и мы съѣвшимъ отдали полную справедливость чутью обоихъ вышепомянутыхъ органовъ, которые съ шумнымъ скандаломъ провожаютъ во множествѣ удаляющихся теперь административныхъ лицъ изъ Виленскаго генералъ-губернаторства. Это бунтовщики и заговорщики противъ польскаго владычества въ этомъ краѣ, которые дѣйствовали съ большимъ увлеченіемъ и не вступали ни въ какія сдѣлки. Не такъ давно имѣли мы случай упоминать о нѣкоторыхъ изъ этихъ крайнихъ революціонеровъ. Одинъ изъ нихъ, Н. А. Зубковъ, бывший предѣтелемъ крестьянской комиссіи въ Вильнѣ, прислалъ намъ для напечатанія письмо, которое читатели найдутъ ниже. А между тѣмъ, къ выбывшимъ присоединилось множество новыхъ мятежниковъ, преимущественно изъ числа мировыхъ посредниковъ, и два губернатора — ковенскій и могилевскій, А. П. Беклемишевъ, могилевскій губернаторъ, занималъ свой постъ

въ самый разгаръ польскаго движенія и имѣлъ полную возможность раскрыть свою революціонную въ этомъ краѣ дѣятельность. Мы не знаемъ, какъ отзовутся *Вѣсть* и *Новое Время* о бышемъ ковенскомъ губернаторѣ А. Г. Казначеевѣ; но партія, которая не хочетъ признавать этотъ край русскимъ, имѣетъ полное основаніе радоваться его удаченію: она имѣла въ немъ противника очень опаснаго, — столько же просвѣщеннаго, сколько добросовѣстнаго и энергическаго.

Услужливый виленскій корреспондентъ газеты *Вѣсть* счелъ себя уполномоченнымъ повѣдать публикѣ, почему администрація сѣверо-западныхъ губерній, въ разное время удаляла служащихъ по мировымъ учрежденіямъ лицъ, а редакція этой газеты еще съ большимъ чѣмъ прежде азартомъ принялась, по поводу послѣднихъ служебныхъ перемѣнъ, торжествовать побѣду правительства (вѣроятно русскаго?) надъ противниками, которые оказываются русскими чиновниками!

Тонъ этотъ не новъ, но вотъ что удивительно. Газета *Вѣсть* находитъ теперь нужнымъ воздавать хвалу взгляду и административнымъ способностямъ покойнаго графа Муравьева, и еще болѣе: она не оспариваетъ государственнаго значенія крестьянскаго дѣла въ западномъ краѣ. Если вѣрить *Вѣсти* и ея корреспонденту, то еще при графѣ Муравьевѣ начали оказываться односторонности и крайности въ веденіи крестьянскаго дѣла, которые отчасти прямо вели къ возбужденію социальныхъ страстей въ крестьянскихъ массахъ. Послѣ графа Муравьева это направленіе усиливалось-моль при возрастающемъ вліяніи нѣкоторыхъ руководителей, умѣвшихъ частными происками подчинять и служащихъ по крестьянскимъ учрежденіямъ, и даже губернаторовъ своимъ личнымъ воззрѣніямъ. Хотя эти односторонніе руководители, повидимому, постоянно отменялись вышею администраціей, но только въ самое послѣднее время партія *Вѣсти* сочла почему-то возможнымъ отпраздновать полное торжество начала безпристрастія, выражавшагося въ бдительномъ надзорѣ графа Муравьева.

Итакъ, корреспондентъ *Вѣсти* свидѣтельствуетъ, что графъ Муравьевъ преслѣдовалъ крайности какъ въ ту, такъ и въ другую сторону. Какъ же дѣйствовали его преемники? Припоминая повторившія-

стоило Австріи ни одной капли крови, между тѣмъ какъ спасеніе имперіи Габсбурговъ стоило не мало русской крови въ 1849 году... Какъ знать? Дешево ли для Австріи обойдется дружба Франціи, за которую Францъ-Иосифъ уже полатился жизнью своего брата...

№ 112.

Москва, 25-го мая.

А.
Русскій Инвалидъ принесъ намъ сегодня совершенно неожиданное извѣстіе о началіи военныхъ дѣйствій съ Бухарой и о новыхъ блестящихъ успѣхахъ одержанныхъ нашими войсками въ Средней Азіи. 1-го мая разбиты войска бухарскаго эмира на Самаркандскихъ высотахъ, а 2-го мая Самаркандъ, важнѣйшій городъ владѣній эмира послѣ Бухары, занятъ нашими войсками. По всему вѣроятію, военныя дѣйствія не останутся на этомъ, и слѣдующіе дни принесутъ намъ вѣсти о дальнѣйшемъ движеніи нашихъ войскъ.

Пока намъ въ точности неизвѣстны послѣднія дѣйствія эмира, вызвавшія движеніе генерала Кауфмана къ Самарканду; но, сколько мы знаемъ, ташкентская администрація дѣлала все возможное для избѣжанія необходимости открыть военныя дѣйствія. Она старалась оставлять безъ вниманія не только мелкія непріятности вызывательнаго характера, которыя чинились Бухарой въ то самое время, когда посланникъ эмира дружелюбно трактовалъ въ Ташкентѣ, но даже безпрестанное въ русскихъ предѣлахъ появленіе бухарскихъ шаекъ приписывалось не эмиру, а либо евоеволью бековъ, либо разбойническимъ наклонностямъ жителей. Наконецъ эмиромъ были задержаны въ Бухарѣ русскіе купцы, и одновременно съ этимъ выѣхалъ изъ Ташкента его посланецъ. Рѣшеніе немедленно начать военныя дѣйствія въ виду такихъ обстоятельствъ заслуживаетъ полнаго уваженія. Съ варварскими владѣльцами необходимо поступать такъ чтобы за всякое ими нанесенное оскорбленіе слѣдовала немедленная расплата; въ противномъ случаѣ русская власть утратила бы всякое уваженіе не только въ сосѣднихъ владѣніяхъ, но и въ своихъ мѣстныхъ насе-

леніяхъ, и въ послѣдствіи пришлось бы ей съ усиліями и пожертвованіями возстановлять свой авторитетъ. Надо замѣтить, что генерала Кауфмана недавно ожидали въ Петербургѣ. Послѣдній гонецъ, пріѣхавшій изъ Ташкента, привезъ извѣстіе, что генералъ готовился выѣхать оттуда на дняхъ. Война началась вынужденнымъ, но рѣшительнымъ шагомъ.

Удовольствуются ли наши войска занятіемъ Самарканда, или двинутся на Бухару, что всего вѣроятнѣе, для нанесенія окончательнаго удара? Въ какія политическія отношенія поставлена будетъ къ намъ Бухара, послѣ ея окончательнаго пораженія?

Съ 1864 года мы подвинулись въ Средней Азіи на сотни верстъ къ юго-востоку и заняли грозное положеніе въ виду Кокана и Бухары. Ташкентъ, центръ среднеазіяской торговли, сдѣлался русскимъ городомъ, Сыръ-Дарья — русскою рѣкою, Небесныя горы — границей имперіи. Въ военномъ отношеніи такое положеніе весьма выгодно: Коканъ отдѣленъ отъ Бухары, доступъ въ ханства свободенъ, и требуется весьма мало войскъ для того чтобы русская власть поддерживалась съ достоинствомъ въ занятой странѣ. Въ торговомъ отношеніи такое положеніе представляетъ не менѣе удобствъ, и лишь только остаются прочныя отношенія къ азіатскимъ владѣтелямъ, вся Средняя Азія, съ ея многочисленными населеніями, сдѣлается естественнымъ рынкомъ для сбыта русскихъ мануфактуръ. Уже теперь русская предприимчивость пытается открыть для торговли многолюдныя страны западнаго Китая.

До сихъ поръ наши военныя дѣйствія въ Азіи сопровождались территоріальными пріобрѣтеніями. Слѣдствіемъ такихъ пріобрѣтеній до сихъ поръ, однако, едва ли было увеличеніе выгодъ для народа и могущества для государства. Азіатцы вступившіе въ подданство Россіи освобождены отъ военной повинности и платятъ несравненно меньше податей нежели платили прежде. При такихъ условіяхъ, вся тягость пріобрѣтеній ложится на коренное русское населеніе Имперіи. Наша государственная практика не выработала до сихъ поръ такого взгляда на управленіе вновь занимаемыми странами, при которомъ онѣ не требовали бы жертвъ со стороны кореннаго населенія Имперіи, а напротивъ открывали бы ему новыя льготы. По всему вѣро-

ятію, и завоеваніе Бухары потребовало бы только тратъ людьми и деньгами, не принося въ замѣнъ никакихъ выгодъ; тогда какъ мы можемъ быть совершенно довольны, если этотъ край будетъ поставленъ въ почитительное отношеніе къ Россіи, такъ чтобы всякій русскій подданный во владѣніяхъ эмира былъ столько же безопасенъ, какъ и въ предѣлахъ Имперіи.

Вотъ телеграмма изъ Орска (извѣстіе это до Орска доставлено съ курьеромъ), отъ 23-го мая, напечатанная въ *Русскомъ Инвалидѣ*:

„Вынужденный вѣроломствомъ бухарскаго эмира, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ двинулся противъ него и разбилъ, 1-го мая, его войска на самаркандскихъ высотахъ. Жители города не пустили бѣжавшихъ Бухарцевъ. Послѣ блистательной побѣды 1-го мая, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 2-го мая занялъ Самаркандъ, сдавшійся безъ выстрѣла. Трофеи дѣла 1-го мая: 21 орудіе и весь лагерь бухарскаго эмира. Потери наши состоятъ изъ 3-хъ раненыхъ оберъ-офицеровъ и 28 нижнихъ чиновъ и 2 нижнихъ чиновъ убитыхъ.“

Вмѣстѣ съ этою телеграммой привезены курьеромъ извѣстія о происшествіяхъ предварившихъ дѣло съ бухарскими войсками. Эти извѣстія *Русскій Инвалидъ* обѣщаетъ сообщить въ непродолжительномъ времени.

В.

Вотъ уже дней десять какъ въ иностранной печати толкуютъ о составленіи повстанскихъ шаекъ въ Галиціи и Познани. Одни положительно подтверждаютъ существованіе этихъ шаекъ, замышлявшихъ новые безпорядки въ надвислянскихъ областяхъ; другіе столь же положительно отрицаютъ это, и изъявляютъ живѣйшее негодованіе противъ тѣхъ, кто осмѣливается подозрѣвать польскую эмиграцію въ революціонныхъ замыслахъ и попыткахъ. А нѣкоторые простираютъ свою наглость до того, что приписываютъ это движеніе интригамъ самой Россіи, которая будто бы употребляетъ значительныя суммы на то, чтобы поднять на ноги польскую эмиграцію, и имѣть для этого въ ея средѣ своихъ *agents provocateurs*. Это интересное свѣдѣніе пушено въ свѣтъ органомъ князя Чарторыйскаго, *Nord-Est*, и вышло изъ лагеря пановъ, которые хо-

тятъ пользоваться всѣми средствами, — личиною благонамѣренности и консервативными идеями въ Петербургѣ, эмиграціей въ Парижѣ, шайками въ Галиціи и клеветой въ печати.

Прежде всего нужно поставить на видъ, что слухамъ о шайкахъ предшествовали два всѣмъ извѣстные факта, которые могли послужить двойственнымъ сигналомъ для попытокъ этого рода на нашихъ границахъ. О составленіи шаекъ начали говорить тотчасъ послѣ рѣчи, произнесенной княземъ Чарторыйскимъ въ Лондонѣ, и послѣ возвращенія о побѣдѣ принца Наполеона въ Галицію. Петербургскіе жители могли бы присоединить къ этому еще третій фактъ, свѣдѣнія о которомъ хотя и не вполне дошли до публики, но который очень знаменателенъ по своему совпаденію съ упомянутыми слухами. Мы говоримъ о прибытіи въ Россію чловѣка подозрительнаго, который называлъ себя врачомъ и благодаря дипломатическому покровительству умѣлъ втерѣться въ самыя фанціонабельныя салоны Петербурга и безнаказанно, въ виду русскихъ властей, завязать сношенія съ польскими и полонофильскими элементами, столь обильными въ сѣверной Пальмирѣ.

Очевидно, эти факты находились между собою въ связи, и могли вызвать или по крайней мѣрѣ поощрить повстанскія попытки, которые огласились вслѣдъ затѣмъ.

По извѣстіямъ иностранныхъ газетъ, русскія власти первая указали прусскому правительству на образованіе шаекъ въ Познани. Не знаемъ, въ какой мѣрѣ это правда; но положительно извѣстно, что официальные органы Берлинскаго кабинета съ полною увѣренностью подтверждали извѣстіе о шайкахъ. Итакъ, вопросъ сводится къ слѣдующему: правду ли говорили прусскіе официальные органы? Допустивъ отвѣтъ отрицательный, мы должны еще обсудить, съ какою же цѣлью Берлинскій кабинетъ компрометтировалъ бы себя явно невѣрными извѣстіями. Намѣреніе возбудить недовѣріе между Россіей и Австріей предполагать тутъ было бы неумѣстно. Нельзя не сознаться, что это былъ бы трудъ совершенно бесполезный, ибо г. фонъ-Бейстъ уже давно съ большимъ усердіемъ и успѣхомъ самъ занимается приведеніемъ въ разстройство добрыхъ отношеній между Россіей и Австріей. Или, можетъ-быть, Берлинскій ка-

„заніямъ пытокъ“.... „и все это въ удовольствіе неистовства и предразсудковъ генераль-губернатора.... Говорятъ, будто сама Порты была приведена въ негодованіе извѣстіями объ этихъ ужасахъ, о дѣревняхъ преданныхъ пламени, объ истребленіи нищетою и стужей цѣлыхъ населеній изгнанныхъ изъ своихъ жилищъ.“ Но благимъ намѣреніямъ Порты, по словамъ корреспондента *le Monde*, воспротивилась „европейская дипломатія.“ „Утверждали, что покровительствующимъ державамъ было бы слишкомъ тягостно признаться въ своемъ заблужденіи, и что поэтому онѣ рѣшились упорствовать въ немъ.“ Какъ не узнать въ этомъ нелѣпомъ толкѣ обычной уловки Оттоманской Порты, существующей единственно поддержкой Европы, но не упускающей ни одного случая клеветать на нее предъ своими подданными и слагать на ея вмѣшательство всѣ бѣдствія своего управленія, руководимаго, въ сущности, одними Англичанами, а отнюдь не всею Европой? Дѣйствительно, за исключеніемъ Великобританіи, покровительствующія державы не были причастны мнимому „заблужденію“ насчетъ Даудъ-паши. Онѣ были виновны въ бѣдствіяхъ Ливана только своимъ бездѣйствіемъ въ виду энергической рѣшимости Великобританіи поддержать во что бы то ни стало своего кандидата, Даудъ-пашу, противопоставленнаго кандидату Франціи, Іосифу Кериму. Какъ во всѣхъ своихъ столкновеніяхъ съ Англіей, Франція ограничилась безплоднымъ протестомъ....

Такъ или иначе, но превозносимая клерикальною парижскою газетою благость Порты не охранила ливанскихъ христіанъ отъ насилій генераль-губернатора, турецкаго Армянина-католика. Правда, изъ Константинополя высланы въ Ливанъ довольно значительныя суммы въ вознагражденіе хотя части матеріальныхъ ущербовъ его населеній, но и эти суммы, по свидѣтельству корреспондента *le Monde*, расхищены Даудъ-пашей. Оклеветавъ Европу предъ ливанскими христіанами, Даудъ-паша позаботился оклеветать христіанъ предъ Европой. „Дабы обмануть ее,“ гласитъ приводимое нами письмо, „Даудъ-паша самъ сочиняетъ „благопріятствующія его администраціи до-несенія и заставляетъ своихъ офицеровъ „и приверженцевъ подписывать ихъ.“ Но если благодушная Европа, какъ видно, удовлетворялась до сихъ поръ подобными фо-

кусами, то въ Ливанѣ, по словамъ корреспондента *le Monde*, продолжали „надѣяться, что по истеченіи опредѣленнаго семилѣтняго срока (1861—1868), ввѣренная Даудъ-пашѣ власть не будетъ возобновлена...“

И что же? Эта власть дѣйствительно не возобновлена, но благодаря нынѣшнимъ либеральнымъ реформамъ Порты, Даудъ-паша получилъ новую, еще высшую власть, и кругъ его дѣйствій уже не замкнутъ Ливанскими горами, но раздался на все протяженіе Оттоманской имперіи. Блистательная Порты послала опальному губернатору не шнурокъ удавиться, какъ бывало въ старину, а министерскій портфель. Правда и то, что по манію маркиза де-Мутье и молитвами латинскаго патріарха Вальерги, надъ Даудъ-пашей сотворилось чудо: изъ кровожаднаго тигра, опустошавшаго Ливанъ, онъ превратился теперь въ умиленное олицетвореніе турецкаго прогресса..

Однако приведенными выше выдержками изъ письма своего корреспондента *le Monde* нанесъ сильный ударъ своей туркофильской полемикѣ. Какъ ни доблестно публичное покаяніе, но клерикальная газета не находитъ его пріятнымъ для себя. Подчиняясь таинственной силѣ, побудившей ее напечатать письмо, „исходящее изъ почтеннаго источника,“ *le Monde* считаетъ долгомъ оградить свое достоинство и изъяслять сомнѣніе въ точности взводимыхъ на Турцію обвиненій. Ей не вѣрится, чтобы въ Турціи могли быть изверги подобные Даудъ-пашѣ, чтобы не были слишкомъ сгущены тѣ мрачныя краски, въ какихъ онъ живописуется ея корреспондентомъ. Иное дѣло, еслибы рѣчь шла о Россіи!... Тутъ можно не только всему повѣрить, но и дать ходъ всякому преувеличенію, всякой лжи и клеветѣ....

№ 115.

Москва, 29-го мая

Новыя побѣды нашихъ войскъ въ Средней Азіи снова возбуждаютъ вопросъ о положеніи, которое предстоитъ принять здѣсь Россіи. Въ короткое время, безъ труда, завоеваны здѣсь огромныя пространства, и теперь трудность состоитъ не въ томъ, какъ простирать далѣе наши завоеванія, а какъ положить имъ предѣлы.

Въ Средней Азіи не имѣется такой силы, которая могла бы ясно и твердо обозначить границу Русскаго государства. Россія является здѣсь единственнымъ могуществомъ, предъ которымъ ничто держаться не можетъ и которое ни въ чемъ не находитъ для себя вынудительной границы. Что же дѣлать? Должна ли Россія сама создавать преграды своему могуществу, или расширять все далѣе и далѣе свои владѣнія? Выдумать ли для Средней Азіи международное право, и сочинить систему равновѣсія, въ которую входила бы Россія вмѣстѣ съ Бухарою, Коканомъ и Хивой, или присоединить къ своей территории эти обширныя полулюдія и варварскія страны, которыя въ совокупности съ тѣмъ что уже забрано ею въ этихъ мѣстахъ, почти равняются всему протяженію Европейской Россіи? Если первое невозможно, то едва ли желательнѣе послѣднее. Россія ли нуждается въ присоединеніи къ своей безмѣрной территории новыхъ безмѣрныхъ пустынь съ оазисами варварской гражданственности? Размѣры государственной территории Россіи такъ громадны, что становятся для нея причиною слабости. Все имѣетъ свою мѣру, и Россія едва ли уже не вышла изъ своей. Прибавимъ, что вмѣстѣ съ новыми столь обширными землями, которыя она недавно пріобрѣла въ Средней Азіи и которыя непомѣрно расширяютъ ея территорию, она включаетъ въ свой составъ совершенно чуждыя своему народу населенія, принадлежащія по своему быту, нравамъ и религіи къ міру не имѣющему ничего общаго съ тѣми началами, на коихъ основана ея гражданственность,—населенія, которыя въ своей совокупности никогда не могутъ быть ассимилированы ею, никогда не могутъ органически войти въ ея жизнь.

Что же дѣлать однако? Цивилизованное и могущественное государство не можетъ граничить ни съ пустынями, ни съ варварствомъ; оно не можетъ также безъ опасности для своего здоровья неопредѣленно расширяться, захватывать новыя пустыни и вводить въ свой составъ многочисленные элементы, полулюдія и варварскіе. Россія не можетъ имѣть своимъ сосѣдомъ эмира Бухарскаго какъ самостоятельнаго и независимаго отъ нея potentata, и событія убѣдительно всякихъ разсужденій свидѣтельствуютъ объ этой невозможности. Съ другой стороны, не менѣе оче-

видно и то, что христіанская нація не могла бы, безъ самыхъ вредныхъ для себя послѣдствій, цѣликомъ принять въ себя это мусульманское гнѣздо съ племенами, которыя порабощены ему. Есть большая разница между отрывочно входящими въ составъ государства варварскими населеніями и введенными въ него цѣлыми центрами антихристіанскаго быта. Въ Россіи есть магометанскія населенія; населенія эти довольно многочисленны, но къ счастью, они не составляютъ ничего цѣльнаго въ ея государственномъ организмѣ; они не имѣютъ общаго центра, который собиралъ бы ихъ воедино и давалъ бы имъ индивидуальность и самостоятельность. При мудромъ и просвѣщенномъ управленіи, въ христіанскомъ государствѣ, подобные отрывочные элементы иного міра могутъ существовать безвредно, мало-по-малу уступая дѣйствию высшей гражданственности и претворяясь въ своемъ существѣ. Но принять въ составъ Россіи цѣлыя мусульманскія царства, ввести въ свою жизнь средоточія варварской гражданственности, это иное дѣло, и предъ этимъ нельзя не остановиться. Что станемъ мы дѣлать съ этими мусульманскими національностями, съ этими азіатскими ханствами, еслибы мы были вынуждены принять ихъ цѣлостію въ нашъ государственный составъ? Разрушать насильственно этотъ непріязненный намъ міръ, подавлять эту чуждую антипатическую намъ жизнь, это не соотвѣтствовало бы нашимъ нравамъ, духу нашей гражданственности; это не могло бы обойтись безъ отчаяннаго сопротивленія, безъ упорной и фанатической борьбы, которой дѣйствіе ощутила бы Россія повсюду въ своихъ владѣніяхъ, гдѣ только есть у нея мусульманскія населенія. Но, съ другой стороны, взять на себя обезпеченіе мусульманскаго закона въ его центрахъ и признать его владычество надъ цѣлыми областями, это не могло бы остаться безъ роковыхъ и пагубныхъ послѣдствій, и привело бы Россію въ самое фальшивое изъ всѣхъ возможныхъ положеній. Какой-нибудь законъ долженъ же быть обязательнъ для этихъ населеній. Если мы не рѣшимся подчинить ихъ непосредственно и насильственно закону нашей христіанской гражданственности, то намъ придется поддерживать обязательную силу мусульманскаго закона; намъ придется организовать этотъ законъ соотвѣтственно

условіямъ нашей цивилизаціи, примѣнять къ нему требованія нашего порядка, давать ему дальнѣйшее развитіе соотвѣтственно новымъ условіямъ, въ которыхъ должны очутиться подвластныя ему населенія, ставъ гражданами нашего государства; мы такимъ образомъ возьмемъ на себя не только обезпеченіе мусульманскаго закона, но и заботу о его развитіи, и невольно втянемся въ созиданіе порядка вещей основаннаго на магометанскихъ началахъ. Въ большіхъ чѣмъ когда-либо размѣрахъ создадимъ мы фальшивую религіозно-общественную силу противную всѣмъ основамъ нашего нравственнаго бытія.

Если Россія въ Средней Азіи не можетъ терпѣть независимыхъ отъ себя владѣній, то мы должны убѣдиться и въ томъ, что она не можетъ безъ вреда для себя, далѣе распространять свою государственную территорію съ этой стороны, и захватывать въ свой составъ эти варварскія ханства. Намъ кажется, что путь, который открывается здѣсь для Россіи, ясенъ. Ей предстоитъ властвовать здѣсь безусловно, но не распространять своихъ предѣловъ и ничего болѣе не принимать внутрь себя. Эти страны должны находиться въ полной отъ нея зависимости, но тѣмъ не менѣе оставаться внѣ ея. Онѣ могутъ быть подчинены ей только въ качествѣ вассальныхъ или колоніальныхъ владѣній, отчасти такъ какъ Восточная Индія подчинена имперіи королевы Викторіи.

Дѣйствительно, Россія рано или поздно должна будетъ взять подъ свою руку средне-азійскія ханства; но пусть она и держитъ ихъ только подъ своей рукой. Пусть эти варварскія царства живутъ собственною жизнію и управляются какъ знаютъ. Россіи нѣтъ надобности входить въ ихъ внутренній бытъ и регулировать его. Она можетъ предоставить имъ свободу, отнявъ у нихъ власть. Не скрѣпляемый верховнымъ деспотизмомъ и предоставленный самому себѣ, варварскій бытъ не можетъ не подвергнуться быстрому разложенію, и не замедлитъ открыть въ себѣ пути для высшей гражданственности. Нѣтъ надобности готовить это искусственными мѣрами; это придетъ само собою вѣрнѣе и лучше, если только эти варварскія царства утратятъ обаяніе верховной власти и матеріальную силу деспотизма, которымъ они держатся. Вся задача для Россіи въ Средней Азіи, какъ намъ ка-

жется, ограничивается только тѣмъ, чтобы отобрать у тамошнихъ деспотовъ всякую вооруженную силу и взять ее въ свои руки. Какъ бы ни показалась трудною эта задача, она несравненно легче и проще чѣмъ инкорпорация средне-азійскихъ ханствъ и устроеніе въ нихъ многосложной администраціи на европейскій ладъ. Россія можетъ командовать въ этихъ странахъ, не управляя ими непосредственно. Пусть эти мусульманскія царства живутъ и умираютъ, какъ знаютъ; Россія, какъ мы думаемъ, исполнила бы свое призваніе въ этихъ мѣстахъ и хорошо обезпечила бы свои интересы, еслибы нашла возможнымъ подчинить ихъ себѣ только въ военномъ отношеніи.

№ 116.

Москва, 30-го мая.

А.

6-го іюня, какъ намъ сообщаютъ, должно начаться въ общемъ собраніи государственнаго совѣта обсужденіе заключеній особаго присутствія, разсматривавшаго подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта Чевкина проекты новаго тарифа, составленные тарифною комиссіей, и мнѣнія, заявленныя по этимъ проектамъ г. министромъ финансовъ. Это особое присутствіе, дѣйствовавшее на правахъ департамента государственнаго совѣта, подвергло, какъ извѣстно, труды тарифной комиссіи подробному разсмотрѣнію и даже приглашало въ свою среду экспертовъ изъ фабрикантовъ по важнѣйшимъ статьямъ тарифа. Поэтому ожидаютъ быстрого хода дѣла въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, тѣмъ болѣе что рѣшено опубликовать новый тарифъ за полгода до приведенія его въ дѣйствіе, то-есть до 1-го января 1869 года. Нельзя не порадоваться близкому окончанію этого дѣла, которое въ теченіе цѣлаго года держитъ нашъ торговый міръ въ нерѣшимости и ослабляетъ приливъ капиталовъ къ промышленнымъ предпріятіямъ. Это вліяніе тарифнаго вопроса сдѣлалось въ особенности замѣтно въ послѣднее время, когда о его ходѣ публика узнавала лишь изъ слуховъ, сообщаемыхъ болѣе или менѣе пристрастными вѣстовщиками. На сколько можно судить по довольно достовернымъ

но надѣяться, что главные русскіи линіи будутъ дѣйствительно эксплуатироваться на коммерческомъ основаніи что доходъ доставляемый ими будетъ постепенно возрастать, и что ихъ возрастающая доходность распространить въ публикѣ увѣренность въ доходности русскихъ желѣзныхъ дорогъ вообще. Этимъ будетъ дано условіе необходимое для того чтобы подписка на акціи будущихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ шла также успѣшно, какъ теперь идетъ подписка на ихъ облигаціи и составленіе компаний для ихъ стройки.

Мы не говоримъ о другихъ соображеніяхъ, которыя находились въ основаніи принятаго относительно Николаевской желѣзной дороги рѣшенія. Въ числѣ этихъ соображеній, вѣроятно, есть и такія, которыя неизвѣстны намъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что это дѣло пришлось рѣшить не въ пользу такъ-называемаго Русскаго Товарищества, предлагавшаго условія сравнительно весьма выгодныя и пользовавшагося сочувствіемъ, можно сказать, всеобщимъ. Было бы жалъ, еслибы лица, составившія это Товарищество, совсѣмъ покинули свое намѣреніе послужить желѣзно-дорожному дѣлу въ Россіи. Правительство, помогая Главному Обществу окончательно стать на ноги, не можетъ также считать исполненными всѣ тѣ свои виды, коими Главное Общество было вызвано. Возрожденіе Главнаго Общества къ новой жизни должно быть увѣнчано осуществленіемъ всѣхъ тѣхъ линій, которыя лежали на его обязанности. Безъ этого условія праздникъ этого Общества, столь дорого стоившаго странѣ, не будетъ для нея праздникомъ. Южная линія, которая была предоставлена Главному Обществу, должна была направляться черезъ Харьковъ къ одному изъ крымскихъ портовъ. Эта линія теперь замѣнена двумя, которыя обѣ строятся и, по всему вѣроятію, будутъ открыты для движенія въ 1869 году. Сверхъ того, разрѣшены изысканія и по прямой средней линіи до одного изъ крымскихъ портовъ. Рано или поздно соорудится и эта линія. Но есть еще одна линія, которая совсѣмъ оставлена и не замѣнена никакою равносильною. Это линія Либавская. Ее предполагалось провести на Динабургъ и Курскъ. Теперь, въ виду колоссальной Рижско-Ворисоглабской линіи, необходимо провести Либавскую линію западнѣе, направляя ее уже не на

Курскъ, а на Кіевъ или Черниговъ и Нѣжинъ. Это направленіе не хуже предполагавшагося прежде. Оно можетъ даже считаться выгоднѣйшимъ, потому что склоняется болѣе на югъ. Къ тому же это направленіе линіи оживитъ западный край, котораго населенія крайне въ томъ нуждаются. Говоря это, мы предполагаемъ дѣломъ рѣшеннымъ сооруженіе Московско-Смоленской и Смоленско-Брестской желѣзныхъ дорогъ. Онѣ свяжутъ западный край съ центральною Россіей и пересѣкутъ его съ востока на западъ. Либавско-Кіевская линія пересѣкла бы его съ сѣвера на югъ; она оживила бы Ковенскую, Минскую, Могилевскую и Черниговскую губерніи. Она дала бы продуктамъ этихъ губерній сбытъ черезъ портъ почти никогда не замерзающій, а черезъ боковыя вѣтви свои, Смоленско-Московскую и Смоленско-Орловскую, открыла бы путь къ этому порту и изъ всей центральной Россіи. Только тогда можно было бы считать задачи, лежавшія на Главномъ Обществѣ, исполненными и смотрѣть безъ сѣтованія на тѣ щедроты, коими правительство осыпало его. Московское Товарищество бралось за Николаевскую желѣзную дорогу не безъ средствъ, а потому сама собой является мысль, нельзя ли дѣло устроить такъ, чтобъ эти средства послужили къ совершенію того что оставляетъ недодѣланнымъ конкуррентъ Московскаго Товарищества, Главное Общество, нынѣ одержавшее верхъ надъ нимъ, конечно не по своимъ заслугамъ, а въ силу обстоятельствъ. Само собой разумѣется, что Главное Общество должно было бы уступить Обществу Либавской дороги свою Ковенскую вѣтвь, и уступить на выгодныхъ для общества Либавской дороги условіяхъ.

№ 130.

Москва, 15-го іюня

А.

Всего нѣсколько дней тому назадъ мы сообщили важное извѣстіе о разрывѣ съ Бухарой и о движеніи туркестанскаго генералъ-губернатора внутрь этого ханства. Важный успѣхъ вполне соответствовалъ отважной рѣшимости генерала Кауфмана, и послѣ нѣсколькихъ дней марша и не-

значительнаго боя на высотах Самарканда, этотъ городъ съ классическимъ именемъ былъ взятъ нашими войсками. Сегодня петербургскія газеты принесли намъ новое извѣстіе — о взятіи Бухары. Телеграмма гласитъ, что столица эмира взята безъ боя, а еще прежде въ частной телеграммѣ, сообщенной *Биржевыми Вѣдомостями*, извѣщалось, что для занятія Бухары генераломъ Кауфманомъ былъ командированъ полковникъ Абрамовъ. Это новый и рѣшительный ударъ Бухарскому эмиру, тѣмъ болѣе чувствительный, что нанесенъ безъ всякихъ усилій. Нѣсколькихъ переходовъ горсти русскихъ солдатъ было достаточно для того чтобы потрясти въ основаніи бухарское величіе.

Занятіе Бухарскаго ханства есть теперь осуществившійся фактъ, но занятіе не есть еще инкорпорация. Что среднеазиатскія ханства должны быть подъ рукою Россіи и состоять въ зависимости отъ нея, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Зависимость эта можетъ быть полная, оставаясь чисто-внѣшнею, и если страна, лишенная самостоятельной вооруженной силы, должна находиться подъ рукою Россіи, то управленіе бухарскими населеніями и вся внутренняя жизнь ихъ не могутъ стать съ пользою предметомъ попечительности русскихъ властей. Теперь ясное чѣмъ когда-либо выказывается вся выгода нашей пограничной черты въ Средней Азіи. Отнынѣ русскіе купцы столь же безопасно будутъ проживать въ Бухарѣ, Коканѣ и Кашгарѣ, какъ теперь проживаютъ въ Ташкентѣ. Не надо, однако, забывать, что преобладаніе въ Средней Азіи будетъ выгодно для Россіи только въ томъ случаѣ, если не будетъ вымогать изъ ней ни денегъ, ни людей, а напротивъ, само что-либо принесть ей, — если сбудутся слова, сказанныя въ одномъ изъ донесеній генерала Черняева: „Страна, въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ занятая, имѣетъ всѣ средства для самобытнаго существованія, и изъ Россіи кромѣ снарядовъ и пороху, ничего не потребуется.“

Б.

Напечатанный во вчерашнемъ номерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* журналъ военнаго совѣта отъ 25-го мая о порядкѣ отпуска въ войска учебныхъ припасовъ для стрѣльбы изъ скорострѣльныхъ винтовокъ, является указаніемъ, что снабженіе нашей

арміи новымъ оружіемъ приводится наконецъ въ исполненіе. Мы не имѣемъ свѣдѣній, какія именно части войскъ снабжены этимъ оружіемъ, но уже самое распоряженіе объ отпускѣ учебныхъ припасовъ доказываетъ, что новое оружіе дѣятельно въ нѣкоторыхъ частяхъ вводится. Остается пожелать, чтобы и остальные части войскъ были снабжены новымъ оружіемъ безъ потери времени.

При теперешнихъ политическихъ обстоятельствахъ, выигрышъ времени въ этомъ отношеніи равносильнъ дипломатической побѣдѣ. Ни для кого не тайна, что мы живемъ наканунѣ событій, и что отъ степени готовности встрѣтить ихъ зависитъ въ настоящее время голосъ Россіи въ дѣлахъ Европы. При полномъ вооруженіи Пруссіи, Германіи, Франціи, Англіи, Австріи, снабдившей ужъ около 300 т. человекъ ручнымъ оружіемъ новой и притомъ превосходной системы, наконецъ даже Турціи, голосъ державы, вооруженной ружьемъ, заряжаемымъ съ дула, невольно поникъ бы предъ голосомъ державъ готовыхъ къ войнѣ.

Мы далеки отъ мысли утверждать, чтобы вооруженіе было единственнымъ ручательствомъ побѣды; но едва ли кто станетъ отрицать, что армія лучше вооруженная имѣетъ существенный перевѣсъ, и что выгоды лучшаго вооруженія имѣютъ не только неоспоримое матеріальное значеніе, но и нравственное, какъ въ бою, такъ и до боя. Скорострѣльное ружье стоявшее послѣ кампаніи 1866 года столь же общимъ въ Европѣ оружіемъ, какимъ былъ штыкъ съ начала XVII вѣка, утратитъ часть своего значенія по окончательномъ вооруженіи имъ всѣхъ европейскихъ армій; но пока это еще впереди, та армія, которая ранѣе снабжена имъ, должна имѣть несравненно большее обаяніе чѣмъ армія вооружающаяся медленно. Французское правительство поняло эту истину: недавній рапортъ маршала Ніеля императору объ окончаніи вооруженія арміи былъ обнародованъ какъ документъ чисто политическаго характера, и офиціозными газетами былъ истолкованъ въ смыслѣ правительственной демонстраціи. Дѣйствительно, скорость въ этомъ случаѣ служить не только доказательствомъ рациональной энергіи правительства, но и залогомъ успѣха въ будущемъ, ибо недостаточно того, чтобы снабдить армію новыми винтовками, надо приучить ее

вызывать иностранцев и наконецъ опредѣлять учителей условно, съ обязательствомъ выдержать испытаніе въ извѣстный срокъ. Это полѣзнее допускается всюду, не только въ Австріи, но и въ Пруссіи, гдѣ *Statsexamen* на учителя можно держать и предъ вступленіемъ на службу, и въ первые годы ея. У насъ подобное условное опредѣленіе до сихъ поръ не допускается, какъ бы въ убѣдительно доказательство того, что между законодательствомъ и дѣйствительными потребностями жизни у насъ все еще нѣтъ должнаго взаимодѣйствія, и что мы должны остерегаться обобщеній, стараясь идти путемъ удовлетворенія возникающихъ потребностей. Пусть законодательство будетъ менѣе стройно; пусть оно примѣняется къ тому, что нужно въ данную минуту, не имѣя въ виду отдаленнаго будущаго: отъ этого оно только выиграетъ, потому что приобрететъ серіозность, внушающую уваженіе. Въ новомъ положеніи экзаменахъ говорится между прочимъ о испытаніи на должность учителя въ училищахъ разныхъ разрядовъ, изъ коихъ иные еще не существуютъ. Тутъ очевидно имѣлась въ виду полнота, но что было бы на примѣръ, если бы въ учителя этихъ училищъ никто не экзаменовался за учрежденіемъ ихъ, а въ учителя гимназій, въ слѣдствіе того, что практическая примѣнимость положеній принесена въ жертву системѣ обобщенія? Мы упомянули о вызываемыхъ иностранцахъ, и разумѣли педагоговъ изъ славянскихъ земель Австріи, гдѣ теперь весьма многіе почтенные люди подвергаются преслѣдованію и охотно перешли бы на службу въ Россію. Эти австрійскіе эмигранты, само собой разумѣется, должны подвергаться испытанію, но также само собой разумѣется, что это испытаніе не можетъ подходить подъ общую мѣрку, и что даже нельзя одинаковымъ образомъ трактовать всѣхъ кандидатовъ на учительскія должности прибывающихъ изъ Австріи. Отъ молодыхъ людей можно требовать одного, отъ людей заслуженныхъ надобно требовать другаго. Какъ бы рационально ни были составлены тѣ правила, коими будетъ опредѣленъ порядокъ экзаменовъ на гимназическій чинъ, эти правила не могутъ подойти къ потребности указанныхъ случаевъ, если только будутъ удобопримѣнимы къ тѣмъ случаямъ, которые не составляютъ исклю-

ченія подобно этимъ. Что изъ этого слѣдуетъ? Не то ли, что общіе правила недостаточно, даже что интересъ дѣла не въ нихъ, а въ исключеніяхъ? Но исключенія такъ и должны разсматриваться и разрѣшаться какъ исключенія; составлять, примѣняясь къ нимъ, общія правила было бы вредно. Теперь нужны экстренныя мѣры по приготовленію гимназическихъ учителей. Нужныя мѣры должны быть принимаемы безъ замедленія, но онѣ никакъ не должны имѣть вліянія на общія правила. Возводить исключеніе въ правило, что можетъ быть ошибочнѣе этого? Но и обобщить нѣсколько исключеній, чтобы посредствомъ отвлеченія составить общее правило, это также ошибочно. Невозможно признать правильнымъ путемъ къ должности учителя гимназій какой-либо иной путь кромѣ ученія въ университетѣ и духовной академіи (при соблюденіи нѣкоторыхъ дополнительныхъ условій). *Узаконять* другіе пути было бы опасно; можно только *допускать* другіе пути, въ видѣ исключенія, и при этомъ ихъ надобно допускать не на основаніи какихъ-нибудь общіхъ отвлеченныхъ правилъ, а сообразно особенностямъ каждаго подлежащаго разрѣшенію случая. Мы имѣемъ основаніе полагать, что эта живая сторона дѣла будетъ принята во вниманіе при составленіи тѣхъ правилъ о порядкѣ испытаній, коихъ изданіе предписывается ст. 17 разбираемаго нами мнѣнія Государственнаго Совѣта. Это мы заключаемъ изъ того, что сношенія по вызову Славянъ-педагоговъ изъ Австріи продолжаются, чего бы не могло быть, если бы предполагалось подчинить дѣло пріисканія гимназическихъ учителей абстрактнымъ нормамъ общихъ, не терпящихъ исключенія правилъ. Если же исключенія будутъ допускаться по отношенію къ иностранцамъ, то нѣтъ причины не допускать исключеній и по отношенію къ русскимъ подданнымъ, если того потребуетъ живой интересъ дѣла. Умовѣтствованіе, какъ мы знаемъ, не можетъ быть отложено.

№ 159.
Москва, 20-го Іюля.

Походъ русскихъ войскъ въ Бухару, начавшійся блистательнымъ занятіемъ Самарканда, привелъ эмира къ спасительному сознанію своей слабости. Напечатан-

ная надняхъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* частная телеграмма извѣстила объ окончаніи войны и о заключеніи мира; въ номерѣ полученномъ сегодня помѣщена вторая телеграмма, съ нѣкоторыми дополнительными подробностями; курьеръ съ этимъ извѣстіемъ еще въ пути, но оно не подлежитъ сомнѣнію.

Война съ Бухарой началась за два года предъ симъ. Отношенія наши къ этому ханству приняли непріязненный характеръ еще лѣтомъ 1865 года, при покореніи генераломъ Черняевымъ Ташкента. Эмиръ самъ имѣлъ въ виду захватить Ташкентъ, что и подало поводъ къ распрѣ. Не объявляя войны, эмиръ собиралъ войска около нашихъ границъ, и началъ волновать умы покореннаго Россіей населенія. Генералъ Романовскій, вскорѣ по прибытіи своемъ въ край, двинулся противъ него, разбилъ на голову его армію при Ирджарѣ и отнялъ у него Ходжентъ, Ура-Тюбе и Джузакъ. Послѣ этого военныя дѣйствія прекратились, но миръ заключенъ не былъ. Все время, до послѣдняго движенія генерала Кауфмана въ Бухару, шли переговоры о мирѣ, а между тѣмъ шайки Бухарцевъ неоднократно появлялись въ нашихъ предѣлахъ. Теперь будетъ положенъ конецъ этому неопредѣленному положенію. Заключеніе мира съ Бухарой важно и потому еще, что прекращаетъ всякіе толки о присоединеніи Бухарскаго ханства. Дѣйствія генерала Кауфмана въ Бухарѣ были встрѣчены общимъ одобреніемъ; но въ то время когда одни въ этихъ дѣйствіяхъ видѣли только благоразумную рѣшительность, другіе привѣтствовали ихъ какъ начало новыхъ присоединеній и доказывали, что Россія должна включить въ свои владѣнія оба бассейна Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, и заняться цивилизованіемъ этихъ странъ. (*Вѣстн.* № 69.) Исполненіемъ этой программы вниманіе и силы Россіи надолго были бы отвлечены отъ нашихъ внутреннихъ и европейскихъ дѣлъ. Программа не новая: еще въ тридцатыхъ годахъ намъ предлагалъ ее извѣстный Мѣрославскій. Затѣмъ Россіи присоединять къ себѣ многочисленныя массы иноплемennаго, чуждаго ей магометанскаго населенія? Выиграетъ ли русская народность, если послѣ тяжкихъ усилій, она достигнетъ наконецъ успѣха и приметъ въ себя эти населенія? Выиграетъ ли государство? Уже и Туркестанская область даетъ себя чувствовать

государственному бюджету. Что же было бы далѣе при новыхъ занятіяхъ и цивилизаторскихъ упражненіяхъ? Занятіе Ходжента, Ура-Тюбе и Джузакъ дало Россіи господствующее въ Средней Азій положеніе. Коканъ и Бухара отдѣлены одно отъ другаго русскими владѣніями, и поставлены такъ относительно Россіи, что она во всякое время можетъ не только разгромить ихъ, но и совсѣмъ уничтожить. Послѣднія событія въ Бухарѣ достаточно доказываютъ это. Въ короткое время горсть русскихъ войскъ безпрепятственно проникаетъ изъ Джузакъ въ нѣдра Бухары, и несмотря на возбужденную тамъ народную войну достигаетъ сразу значительныхъ результатовъ. При такихъ условіяхъ ханы могутъ быть только покорными орудіями въ нашихъ рукахъ. Ханъ Коканскій уже давно и находится въ такомъ положеніи. Въ такое же положеніе, по всему вѣроятію, будетъ приведенъ нынѣ и эмиръ Бухарскій. Затѣмъ лучшаго сосѣдства нечего и искать намъ въ Средней Азій. Какъ ни велика неурядица въ этихъ ханствахъ, какъ ни грубы нравы и обычаи ихъ жителей, все же въ Средней Азій они являютъ собою гораздо высшую степень цивилизаціи чѣмъ окружающіе ихъ кочевники. Бухара и Коканъ, съ ихъ зависимымъ отъ насъ положеніемъ, лучше замыкаютъ наши границы нежели непосредственное сосѣдство съ разбойничьими туркменскими племенами, кочующими между Бухарой и Персіей, или множествомъ мелкихъ деспотовъ Кундуза, Гейбека, Кермереда, Сигана, Ваміана, Маймене и наконецъ горныхъ владѣтелей въ Кабуль, Кафиристанъ и Бадахшанъ. Между тѣмъ присоединеніе Бухары, надобно думать, раздражило бы противъ Россіи большинство ея населенія, съ магометанскимъ духовенствомъ во главѣ. Бухара привыкла къ самостоятельному существованію; она имѣетъ свои гордыя преданія: она издавна была центромъ не лишеннымъ своего рода величія и нѣкотораго блеска въ магометанскомъ мірѣ. Оставляя ей тѣмъ самостоятельности и не путаясь въ ея внутреннее управленіе, можно приручить ее, и черезъ нее, безъ всякихъ жертвъ и усилій, имѣть дѣйствительное вліяніе въ долині Аму-Дарьи. Мнѣніе, что съ среднеазиатскими владѣтелями не можетъ быть никакого ладу, едва ли вѣрно. Какъ ни кратковременно

наше прошедшее въ Средней Азій, но и оно уже доказываетъ возможность имѣть въ своемъ соедѣствіи независимое и дружественное ханство. Мы говоримъ о Коканѣ. Коканъ еще недавно былъ обширнымъ владѣніемъ, простиравшимся отъ Небесныхъ Горъ до южныхъ границъ Сибири и низовъ Сыръ-Дарьи. Всѣ земли заняты въ послѣднее время Россіей и окаймляющія Киргизскую степь отняты ею отъ Кокана. Ханъ Коканскій, Худояръ, состоитъ въ близкомъ родствѣ съ эмиромъ Бухарскимъ, и ему обязанъ своимъ престоломъ. Несмотря на все это, Худояръ-ханъ, съ замѣчательнымъ въ его положеніи тактомъ, тотчасъ же понялъ свое истинное положеніе относительно Россіи. По взятіи Русскими Ташкента, лѣтомъ 1865 года, онъ устранился отъ военныхъ дѣйствій, когда Бухарскій эмиръ сталъ къ нимъ готовиться. Съ этого времени Коканское ханство стало въ самыя покорныя къ Россіи отношенія. Въ своихъ письмахъ къ русскимъ властямъ, Худояръ-ханъ неоднократно свидѣтельствовалъ о своей покорности и желаніи мира. Во время рѣшительнаго столкновенія Русскихъ съ Бухарцами, онъ писалъ генералу Романовскому: „Душевное желаніе мое есть одно, только: быть Бѣлому Царю искреннимъ другомъ, враждовать же съ нимъ я не имѣю никакого намѣренія. „... Если придутъ къ намъ торговцы или же другаго сословія люди изъ народа Бѣлаго Царя, за чѣмъ бы то ни было, мы во всякомъ случаѣ будемъ уважать ихъ и ласкать болѣе чѣмъ своихъ подданныхъ, и будутъ они производить у насъ свободно торговлю, равнымъ образомъ и отсюда, сколько бы ни прибыло торговцевъ въ Имперію Бѣлаго Царя, мы надѣемся, что и они, также какъ ваши подданные, будутъ обласканы и допущены къ свободной торговлѣ, ибо это всегда такъ водится. Если такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ будетъ свободное торговое сношеніе, то жители, пользуясь подобною свободой и спокойствіемъ, будутъ молить Бога...“ *) Въмѣстѣ съ тѣмъ, отъ имени своего властителя, посланный обѣзвивъ генералу Романовскому, что „Худояръ-ханъ всегда будетъ свято исполнять приказанія русскихъ властей“. И дѣйствительно, во все время войны съ Бу-

*) Замѣтки по среднеазиатскому вопросу. Д. И. Романовскаго.

харой, Худояръ велъ себя какъ нельзя лучше. Не заявляя никакихъ претензій на непосредственные переговоры съ центральнымъ русскимъ правительствомъ, Худояръ ни разу не нарушилъ покорныхъ и дружескихъ отношеній къ Россіи и не провинился ни въ какомъ вѣроломствѣ. Наша торговля чрезъ его владѣнія не встрѣчаетъ ни препятствій, ни затрудненій.

Единственный интересъ Россіи въ Средней Азій есть чисто торговый. Намъ некогда цивилизовать тамошніе народы, у насъ и своего дѣла довольно: но намъ нужно обезпечить наше торговое движеніе въ глубину Азій и дать обширный рынокъ нашимъ мануфактурамъ. Въ четыре года мы обезпечили себѣ рынки Ташкента, Бухары и Кокана, наши товары уже начинаютъ проникать въ китайскій Туркестанъ, гдѣ не встрѣчаютъ никакой себѣ конкуренціи: вотъ существенныя выгоды, и на этомъ пути можемъ мы легко достигнуть наилучшихъ успѣховъ.

№ 160.

Москва, 23-го Іюля.

Ostsee-Zeitung въ длинной статьѣ распространяется о торговой важности Балтійскаго моря. Она говоритъ объ отдаленныхъ временахъ, ганзейскихъ и доганзейскихъ, когда на теперешнемъ русскомъ балтійскомъ побережьи торговали Вестфалцы, вытѣсненные потомъ ревнивыми ганзеатами. „Какъ Средиземное море усѣяно было по всему берегу колоніями греческими, такъ Балтійское — нѣмецкими.“ „Нижне-саксонское племя обнаружило при этомъ всю свою желѣзную силу и только въ русскихъ балтійскихъ провинціяхъ утратило „оно способность поглащать другія племена, промѣнявъ ее отчасти на пошлую надменность, за которую нерѣдко ничего кромѣ хвастовства и безмозглости (Schein und Schwindel) не скрывается.“ Петръ Великій понялъ значеніе Балтійскаго моря и прежде нежели удалось ему завоевать Лифляндію и Эстляндію, превратилъ болотную деревушку близъ устья Невы въ столицу своей Имперіи. Въ 1717 г., „продолжаетъ *Ostsee-Zeitung*, „отплылъ изъ Кронштадта первый русскій корабль, нагруженный русскими товарами. Въ 1724 г. уже прибыло въ Петербургъ 230 судовъ.

Прежде всего спрошены были Голландцы; одинъ изъ нихъ, на вопросъ признаетъ ли онъ подсудимыхъ, отвѣчалъ, что онъ не можетъ ихъ признать, потому что во время происшествія было совершенно темно; онъ припоминаетъ только одного изъ нихъ, Ивана Трифонова; но въ комнатѣ свидѣтелей сидитъ-де еще одинъ, который также участвовалъ въ грабежѣ и лицо котораго онъ запомнилъ. Свидѣтель, на котораго указывалъ Голландецъ, оказался старшимъ братомъ подсудимаго Ивана Трифонова, по имени также Иванъ. Онъ былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля по ссылкѣ на него брата по одному совершенно второстепенному обстоятельству. Вслѣдствіе заявленія Голландца судебное слѣдствіе относительно всѣхъ подсудимыхъ было приостановлено и Иванъ Трифоновъ старшій привлеченъ къ суду по обвиненію въ томъ же преступленіи. Само собою разумѣется, что онъ тутъ же былъ арестованъ и затѣмъ началось предварительное слѣдствіе относительно его участія въ грабежѣ. Вторично дѣло разсматривалось въ здѣшнемъ окружномъ судѣ лишь 14-го марта текущаго года, такъ что всѣ подсудимые, а вмѣстѣ съ ними и Иванъ Трифоновъ старшій, просидѣли въ острогѣ *лишнихъ шестнадцать мѣсяцевъ*. На допросѣ судебному слѣдователю Голландецъ указавшій на него показалъ далеко не такъ опредѣлительно, какъ въ залѣ суда; онъ сказалъ, что запомнилъ подсудимаго по его чернымъ волосамъ (тогда какъ другихъ онъ за темнотою и въ лицо не разсмотрѣлъ). Остальные два Голландца не признали его вовсе. Затѣмъ Голландцы уѣхали въ Голландію и на вторичномъ судебномъ слѣдствіи уже не были. Иванъ Трифоновъ старшій доказалъ свое *alibi* и былъ признанъ на судѣ оправданнымъ.*) Это *alibi*, то-есть нахождение подсудимаго въ другомъ мѣстѣ во время совершенія преступленія, было столь же неопровержимо доказано на предварительномъ, какъ и на судебномъ слѣдствіи, и потому преданіе Ивана Трифонова старшаго суду не имѣло достаточнаго основанія. Кромѣ того, еслибы присяжные призваны были произнести свой приговоръ объ Иванѣ Трифоновѣ старшемъ чрезъ двѣ недѣли или черезъ мѣсяцъ, — какъ и слѣдовало

бы ожидать, принимая во вниманіе, что обстоятельства дѣла уже до его арестованія были вполне обнаружены, — то опрометчивое заявленіе Голландца имѣло бы для подсудимаго послѣдствіемъ лишь кратковременное задержаніе, и онъ имѣлъ бы полную возможность взыскать съ Голландца, еще не уѣхавшаго тогда изъ Россіи, вознагражденіе за неосновательный наговоръ. Предварительное производство тянулось такъ долго не по тому, чтобы дѣло требовало разъясненія, а только потому что потребовалась справка о лѣтахъ обоихъ братьевъ Ивановъ Трифоновыхъ. Между канцеляріей суда и Калужскою духовною консисторіей завязалась переписка о лѣтахъ Ивановъ Трифоновыхъ, которая ни къ чему не повела, кромѣ того, что за сѣданіе отдалилось до 14-го марта нынѣшняго года. Присяжные освободили Ивана Трифонова старшаго, но онъ просидѣлъ въ острогѣ, какъ сказано, шестнадцать мѣсяцевъ.

Переходимъ къ другому случаю, еще болѣе характеристичному. Можайскій мѣщанинъ Матвѣй Неугодовъ, въ іюнѣ 1867 года, разбуянившись въ пьяномъ видѣ, завелъ драку съ своимъ братомъ, а когда мать попыталась разнять ихъ, то ударилъ и ее. Мать Неугодова хотѣла наказать за это сына арестомъ на нѣсколько дней и обратилась съ жалобой въ полицейское управленіе, какъ обыкновенно дѣлалось въ случаяхъ подобнаго рода до введенія судебной реформы. Полиція передала дѣло судебному слѣдователю. Узнавъ о такомъ порядкѣ дѣла, мать подсудимаго немедленно, на другой или третій день, заявила слѣдователю, что она своего сына прощаетъ и проситъ слѣдствіе прекратить; при этомъ она и другіе свидѣтели показали слѣдователю, что подсудимый вообще человекъ смирный и сынъ весьма почтительный, а буянитъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда напьется пьянъ. Судебный слѣдователь, признавъ, что заявленіе матери о примиреніи должно повести къ прекращенію дѣла, представилъ о томъ окружному суду на основаніи ст. 277 Уст. угол. судопр. Но судъ отвергъ это представленіе и предписалъ слѣдователю продолжать слѣдствіе, находя, что оскорбленіе родителей дѣйствіемъ не принадлежитъ къ разряду тѣхъ преступленій, которыя дозволено прекращать примиреніемъ. Мнѣніе свое судъ

*) Подробный отчетъ объ этомъ дѣлѣ напечатанъ въ № 9 Современной Литературы нынѣшняго года.

основалъ на 2-й части ст. 1.591 Улож. о нак., въ которой сказано, что „дозволившіе себѣ какое-либо насильственное, хотя и не соединенное съ побоями, противъ родителей дѣйствіе, подвергаются, по жалобѣ оскорбленнаго родителя, наказаніямъ, опредѣленнымъ въ ст. 1.534,“ причемъ предоставляется родителямъ право „буде они пожелаютъ, ходатайствовать объ уменьшеніи мѣры наказанія.“ Судъ заключилъ, что такъ какъ родителямъ предоставлено ходатайствовать только объ уменьшеніи мѣры наказанія, то имъ не дано право совѣтъ прощать виновнаго, согласно общему правилу о преступленіяхъ противъ чести частныхъ лицъ. Первымъ дѣломъ судебного слѣдователя, по полученіи такого постановленія суда, было взять подсудимаго подъ стражу, то-есть посадить его въ Верейскій острогъ. Никакой надобности въ этомъ не было; подсудимый не убѣждалъ ни до того, онъ не могъ и не имѣлъ надобности уклоняться отъ суда и въ послѣдствіи. Высшая мѣра наказанія, которую онъ могъ ожидать, была отдача въ арестантскія роты на полтора года. Можно смѣло сказать, что въ избѣжаніе такого наказанія, ни одинъ простолудинъ нашъ не рѣшится сдѣлаться бродягой, за исключеніемъ однихъ бродягъ. Судебный слѣдователь поступилъ какъ поступаютъ вообще всѣ наши слѣдователи: ему достаточно было усмотрѣть, что подсудимый обвиняется въ преступленіи влекущемъ за собой ограниченіе правъ, чтобы примѣнить ст. 419 Уст. Угол. Суд., хотя этою статьей ему только дается *право* взять подсудимаго подъ стражу, а отнюдь не воспрещается, по своему усмотрѣнію, ограничиться другою менѣе строгою мѣрой изъ числа обозначенныхъ въ 416 ст. Устава. Судъ упустилъ изъ виду и то, что мать подсудимаго будетъ просить о смягченіи наказанія и что такимъ образомъ подсудимый можетъ и вовсе не подвергнуться ограниченію правъ, и что стало бы ст. 419 Уст. Угол. Суд. можетъ и вовсе не имѣть здѣсь примѣненія. Какъ бы то ни было, Матвѣй Неугодовъ очутился въ острогъ, а слѣдствіе пошло своею обыкновенною торною дорогой: отъ слѣдователя оно поступило къ товарищу прокурора окружнаго суда составившему обвинительный актъ, отъ послѣдняго къ прокурору судебной палаты, а отъ него въ судебную палату. Замѣтимъ, что каждая

изъ этихъ инстанцій имѣла возможность исправить ошибку слѣдователя относительно взятія подсудимаго подъ стражу, но этого не было сдѣлано. Судебная палата согласилась съ тѣмъ мнѣніемъ, что проступокъ Неугодова, несмотря на прощаніе матери, подлежитъ суду, какъ тяжкое преступленіе, въ порядкѣ публичнаго обвиненія. Она утвердила обвинительный актъ. Наконецъ наступилъ день суда. 21-го іюля настоящаго года присяжные произнесли свой приговоръ, который былъ обвинительный (такъ какъ событіе преступленія было вполне доказано), но съ допущеніемъ смягчающихъ обстоятельствъ. Судъ приговорилъ Неугодова къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ рабочій домъ на 8 мѣсяцевъ, оставивъ безъ вниманія заявленіе его матери на судъ, что она проситъ освободить его отъ всякаго наказанія. Лишь съ этого момента защита получила право жалобы въ кассационномъ порядкѣ для разъясненія теоретической стороны дѣла. Жалоба была подана, и 20-го сентября состоялось постановленіе кассационнаго суда, который нашелъ совершенно несогласнымъ съ прямымъ смысломъ закона привлеченіе Неугодова къ суду послѣ прощанія его матерью, и отмѣнилъ не только приговоръ суда, но и самое постановленіе судебной палаты о преданіи Неугодова суду. Подсудимый, какъ оказалось, не подлежалъ наказанію, а между тѣмъ онъ высылалъ въ острогъ полтора года.

Недоразумѣнія въ толкованіи законовъ всегда и вездѣ возможны; они въ особенности возможны когда дѣло идетъ о примѣненіи нашего Улож. о наказаніяхъ. Въ настоящемъ случаѣ нельзя пенять на недоразумѣнія, даже если считать очевиднымъ, что нашъ законъ даетъ родителямъ двойное право: во первыхъ, наравнѣ со всѣми оскорбленными, прощать, и во вторыхъ, не прощая совершенно, просить, однакоже, объ уменьшеніи наказанія. Видя этотъ пунктъ разъясненнымъ, и подобныя недоразумѣнія устраненными для будущаго, можно было бы радоваться тому, что процессъ Неугодова подалъ поводъ къ теоретическому рѣшенію важнаго юридическаго вопроса, еслибы на доло Неугодова не выпало тутъ, какъ говорится, въ чужомъ пиру похмѣлье. Конечно, и оставаясь на свободѣ онъ пострадалъ

и вотъ человѣколюбивыя желанія этой газеты касательно исхода ссоры: „Портъ очень легко блокировать греческія гавани, бомбардировать Пирей и овладѣть въ видѣ залога двумя или тремя островами Архипелага до тѣхъ поръ, пока Греція не поставитъ необходимыя удостовѣренія въ своемъ дальнѣйшемъ образѣ дѣйствія... Если Омеръ-паша вступитъ въ Аіоны, какъ въ Цетиньѣ, то Портъ можно будетъ заговорить совѣмъ другимъ тономъ, чѣмъ когда Французы находятся въ Пирей и когда европейская дипломатія взвѣшиваетъ права Порты и притязанія Греціи. Чѣмъ болѣе вопросъ затруднителенъ, тѣмъ болѣе Турціи необходимо противопоставить державамъ совершившійся военный фактъ, который конференціи не легко будетъ опровергнуть.“

Итакъ вотъ одна изъ первостепенныхъ державъ, изъявляющая желаніе, чтобы христіанское государство, поставленное подъ охрану международныхъ договоровъ, было залито кровью и предано огню и мечу! Вотъ одинъ изъ великихъ европейскихъ кабинетовъ, который присоединяется къ конференціи, имѣющей цѣлью рѣшить распрю, человѣколюбиво совѣтуетъ Туркамъ противопоставить рѣшенію этой конференціи совершившійся военный фактъ!

Къ сожалѣнію, можно предвидѣть, что Лондонскій кабинетъ, подъ предѣлательствомъ г. Гладстона, не окажетъ дѣлу Греціи благопріятнаго расположенія. Правда, самъ г. Гладстонъ извѣстенъ за филеллина и много содѣйствовалъ присоединенію Ионическихъ острововъ къ Греціи; но теперь его дѣятельность и вниманіе поглощены вѣстными вопросами. Онъ занятъ Ирландіей и улаженіемъ церковнаго вопроса, и быть-можетъ досадуетъ на Грецію за то что она отвлекаетъ его вниманіе въ сторону. Сверхъ того, лордъ Кларендонъ, нынѣшній секретарь иностранныхъ дѣлъ, и лордъ Грей суть ревностные приверженцы политики покойнаго ларда Пальмерстона. Догматъ неприкосновенности Турецкой имперіи занимаетъ первое мѣсто въ ихъ политическомъ *credo*, и они, хотя порицаютъ насильственные и необдуманные мѣры Порты, однако желали бы принудить Грецію къ тому, чтобы она исполнила всѣ требованія Турціи. Это доказывается тѣмъ, что лордъ Кларендонъ, какъ слышно, предложилъ тремъ державамъ-покровительницамъ вступить между собою въ соглаше-

ніе на основаніе пяти пунктовъ турецкаго ультиматума, за что, какъ сообщаютъ вчерашнія телеграммы, крѣпко удѣлилась Высокая Порта. Дѣлая это предложеніе, англійское министерство очевидно хотѣло представить Грецію подчиниться волѣ Турокъ, а Россію вовлечь въ такое совѣщаніе, при которомъ мы непременно остались бы въ меньшинствѣ.

Что касается Пруссіи, то политическую игру ея разгадать довольно трудно; какъ слышно, Берлинскій кабинетъ намѣренъ вести дѣло въ добромъ смыслѣ.

Въ искренности Италіи по этому вопросу нельзя, кажется сомнѣваться. Невозможно, чтобы государство, само стремящееся къ національному объединенію, было враждебно расположено къ эллинскому дѣлу.

Таковы разныя роли, усвоенныя актерами готовящимися дѣйствовать въ новой политической пьесѣ, которая будетъ разыграна въ Парижѣ.

№ 274.

Москва, 18-го декабря.

Въ печатаемой нами сегодня корреспонденціи изъ Ташкента читатели найдутъ весьма интересныя свѣдѣнія о тѣхъ условіяхъ мирнаго договора, заключеннаго съ Бухарой, которыя касаются торговыхъ сношеній. Всѣмъ русскимъ подданнымъ предоставляется право торговать въ Бухарѣ повсемѣстно, имѣть своихъ агентовъ въ городахъ и свободно проѣзжать черезъ Бухару въ сосѣднія владѣнія. Съ русскихъ товаровъ пошлина выговорена не выше $2\frac{1}{2}\%$ стоимости товара, между тѣмъ какъ до сихъ поръ такая пошлина взималась лишь съ магометанъ, а съ купцовъ иныхъ исповѣданій обыкновенно бралось 5%, съ русскихъ же товаровъ часто взыскивалось по 10% и даже выше. Эмиръ принимаетъ на себя отвѣтственность за безопасность русскихъ купцовъ и ихъ имущества въ его владѣніяхъ. Такой же договоръ прежде заключенъ съ Коканскимъ ханомъ.

До занятія Средней Азіи, наши купцы вовсе не ѣздили въ ханства. Бухарцы и Хивинцы пріѣзжали сами въ Оренбургъ и Нижній для закупки произведеній нашихъ мануфактуръ. Только вслѣдъ за движені-

ами войскъ въ верховья Сыра появились въ Средней Азіи наши купцы, и въ самое короткое время, благодаря умѣнью и отвагѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, ходъ средне-азиатской торговли принялъ совершенно иной оборотъ, и размѣры ея растутъ ежегодно. Русскія мануфактурныя произведенія уже не лежатъ, какъ прежде, въ складахъ Москвы и Нижняго, ожидая прибытія покупателей, но сами пробираются на далекій Востокъ и отыскиваютъ себѣ выгодные рынки.

Въ десятилѣтіе 1850 — 1860 сношенія наши съ Среднею Азіей были весьма незначительны. Среднимъ числомъ ввозъ въ Россію изъ ханствъ простирался ежегодно на сумму 1.418.000. Вывозъ же былъ такъ ничтоженъ, что доходилъ среднимъ числомъ въ годъ лишь до 659.000 руб. Если же взять данныя за послѣднія семь лѣтъ, то увидимъ, что не смотря на постоянныя войны, торговые обороты тамъ съ 1864 года все возрастаютъ, обѣщая въ близкомъ будущемъ занять видное мѣсто въ видахъ внѣшней торговли Россіи. Привозъ изъ Средней Азіи въ Россію простирался:

Въ 1862 году на сумму	3.201.100 р.
„ 1863 „ „	4.378.200 „
„ 1864 „ „	7.699.700 „
„ 1866 „ „	5.005.700 „
„ 1867 „ „	8.503.753 „

Въ эти итоги вошли обороты только съ Хивой, Бухарой и Коканомъ. Обороты торговли съ Киргизскою степью сюда не включены, хотя они весьма значительны. Въ 1867 году изъ Киргизской степи привезено товаровъ на 4.343.777 р., а въ Киргизскую степь вывезено на 6.359.108 р., въ томъ числѣ бумажныхъ издѣлій на сумму 3.845.200 р. Главная статья привоза изъ Средней Азіи есть хлопокъ, котораго привезено:

Въ 1862 году на	1.889.265 р.
„ 1863 „ „	2.928.952 „
„ 1864 „ „	6.514.933 „
„ 1865 „ „	3.487.812 „
„ 1866 „ „	4.031.116 „
„ 1867 „ „	5.513.031 „

Отсюда видно, что привозъ хлопка возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Усиленный привозъ его въ 1864 году былъ вызванъ войной въ Сѣверной Америкѣ, повлекшею за собою хлопковый кризисъ. Кто не помнитъ какое подспорье нашли въ то время

наши мануфактуры въ бухарскомъ хлопкѣ, и сколько изъ нихъ, благодаря ему, были избавлены отъ необходимости прекратить производство? Правда, средне-азиатскій хлопокъ, по достоинству, ниже американскаго. Думали было, что американскія сѣмена на туркестанской почвѣ дадутъ хорошіе всходы, но сдѣланные доселѣ опыты не подтвердили этихъ предположеній. Цѣнность азиатскаго хлопка сравнительно еще высока, и главная причина этому кроется въ дороговизнѣ и долговременности перевозки. Когда торговое движеніе направится по Аму, Каспійскому морю и Волгѣ, то торговля хлопкомъ приметъ несомнѣнно болѣе значительные размѣры.

Сообразно съ увеличеніемъ ввоза изъ Средней Азіи, возрастаетъ и вывозъ русскихъ товаровъ въ ханства. Вывозъ изъ Россіи простирался:

Въ 1862 году на	3.274.100 р.
„ 1863 „ „	3.047.900 „
„ 1864 „ „	4.740.210 „
„ 1865 „ „	3.773.910 „
„ 1866 „ „	5.619.760 „
„ 1867 „ „	10.275.288 „

Въ томъ числѣ бумажныхъ издѣлій было вывезено:

Въ 1862 году на	1.720.799 р.
„ 1863 „ „	1.410.190 „
„ 1864 „ „	2.397.000 „
„ 1865 „ „	2.360.070 „
„ 1866 „ „	3.777.400 „
„ 1867 „ „	6.951.889 „

Эти цифры лучше всего выражаютъ то значеніе, какое должна имѣть торговля съ средне-азиатскими ханствами для развитія и процвѣтанія нашихъ мануфактуръ.

Если разсматривать вывозъ изъ Россіи по каждому ханству отдѣльно, то нельзя не замѣтить, что онъ подвергался ежегодно большимъ колебаніямъ. Такъ отпускъ въ Хиву простирался въ 1864 году всего до 10.970 р., а въ 1866 году неожиданно достигъ цифры 1.565.450 руб. Отпускъ же въ Бухару, дошедшій въ 1864 году до 4.654.980 р., понизился въ 1866 до 877.180 р. Главная причина такихъ неожиданныхъ явленій кроется въ военныхъ дѣйствіяхъ. Бухарскіе караваны, опасаясь попасть въ 1866 году въ руки воюющихъ, направились на Хиву и увеличили собой официальную цифру Хивинской торговли. Что же касается до отпуска изъ Россіи въ Коканъ и Ташкентъ, то въ послѣдніе годы онъ получился чрез-

вычайное развитіе. Доходивъ въ 1864 году въ общемъ итогъ только до 74.250 руб., онъ составлялъ въ 1866 году 3.187.124 руб., а въ 1867 году 5.478.177 р. Въ короткое время отпускъ въ Ташкентъ (съ Коканомъ) превысилъ сумму отпуска въ Китай (въ 1867 году въ Китай отпущено товаровъ на 4.094.423 р.), не смотря на то что наша китайская торговля ведется уже въ теченіи столѣтій. Несомнѣнно, что часть товаровъ направилась изъ Ташкента въ Бухару, но большая часть ихъ, направляясь на Коканъ и Кашгаръ, открыла себѣ новый и обширный рынокъ на восточномъ Туркестанѣ. Изъ русскихъ торговыхъ людей честь проложенія этого новаго пути принадлежитъ гг. Хлудову и Первушину.

Въ настоящее время много говорятъ о желѣзной дорогѣ до Оренбурга, съ тѣмъ чтобъ оттуда направить желѣзо-конную дорогу на Ташкентъ. Мы полагаемъ, что будущность съ этой стороны принадлежитъ не Оренбургу, а Троицку, который равно ведетъ и въ Сибирь, и въ Среднюю Азію. Впрочемъ ходъ средне-азиатской торговли еще не выяснился. Со временемъ быть-можетъ она приметъ еще болѣе выгодное направленіе по Аму-Дарѣ на Красноводскій заливъ Каспійскаго моря. Послѣдній трактатъ съ Бухарою далъ русскимъ купцамъ право не только торговать въ Бухарѣ, но и имѣть тамъ свои конторы и постоянныя факторіи; и едва ли можно сомнѣваться, что когда наши купцы утвердятся и освоются въ Бухарѣ, то они пожелаютъ имѣть сношенія съ центральною Россіей не кружнымъ путемъ, а прямымъ черезъ Каспійское море. Выгоды этого послѣдняго пути очевидны. Отъ Бухары до Красноводскаго залива менѣе 1.000 верстъ, причемъ значительная часть пути можетъ быть пройдена еще водою по Аму-Дарѣ. Отъ Бухары же до Оренбурга черезъ фортъ № 1 около 1.700, а всего сухопутной перевозки до Самары по этому направленію около 2.120 верстъ. Путь на Каспійское море есть наивыгоднѣйшій для всего торговаго движенія производящагося нынѣ въ бассейнахъ Сыра и Аму. По этому же пути направится развивающаяся нынѣ торговля съ китайскимъ Туркестаномъ. вмѣстѣ съ сокращеніемъ пути и удешевленіемъ перевозки, обороты нашей средне-азиатской торговли станутъ возрастать еще быстрѣе нежели теперѣ.

Препятствія къ установленію торговаго движенія изъ Средней Азіи на Каспійское море будутъ весьма не велики. Движеніе въ бухарскихъ предѣлахъ совершается теперь уже вполне безпрепятственно, и нѣтъ причины опасаться затрудненій въ Хивѣ. Хивинскій ханъ давно уже понялъ выгоды мирныхъ сношеній съ Россіей. Затрудненія могутъ встрѣтиться лишь на пространствахъ отъ хивинскихъ предѣловъ до Каспійскаго моря; но и ихъ не слѣдуетъ преувеличивать. Туркмены кочующіе между Аму и Красноводскимъ заливомъ (Юмуть) издавна искали и ищутъ покровительства и даже подданства Россіи, и по образу жизни не болѣе хищны чѣмъ наши сыръ-дарьинскіе Киргизы. При Петрѣ Великомъ Туркмены признавали себя подданными Россіи. Чтобы приручить ихъ къ землѣ русской, въ 1764 году, былъ посланъ майоръ Ладыженскій, съ порученіемъ занять восточный берегъ Каспія и построить укрѣпленіе въ заливѣ Киндерленскомъ. Дѣло это, однако, не состоялось. Въ 1813 году Юмуть отправили на Кавказъ къ генералу Ртищеву посольство съ просьбой о защитѣ ихъ отъ Персіянъ. Съ этихъ поръ вопросъ о необходимости занятія западнаго берега Каспійскаго моря не прерывался. Въ 1816 году, дѣлалъ объ этомъ представленіе адмиралъ Мордвиновъ. Въ 1819 году генералъ Ермоловъ отправилъ къ Туркменамъ майора Пономарева и капитана Муравьева, которые представили просьбы Юмутьовъ, за подписью старшинъ, о принятіи ихъ въ подданство Россіи и устройствѣ въ ихъ землѣ всякаго рода русскихъ заведеній. Въ 1820 году генералъ Ермоловъ былъ даже уполномоченъ построить въ Красноводскомъ заливѣ укрѣпленіе на 1.000 человекъ; но и на этотъ разъ дѣло не состоялось. Въ 1844 году, Туркмены снова подали просьбу и принятіи ихъ въ подданство Россіи. Съ тѣми же просьбами обращались Туркмены и къ генералу Катенину. Въ послѣднее время съ тѣми же обращались они и къ генералу Крыжановскому. Въ 1858 году, князь Барятинскій, управляя Кавказомъ, полагалъ необходимымъ занять Красноводскій заливъ; того же мнѣнія были посланники нашъ въ Персію, г. Аничковъ, и бывшій оренбургскій генералъ-губернаторъ А. П. Безакъ. Съ своей стороны, купечество наше всегда находило это полезнымъ въ видахъ торговыхъ. Въ

1858 году составила́сь было компанія, во главѣ которой находился г. Бенардаки, просившая разрѣшенія устроить торговую факторію на Красноводскомъ заливѣ съ правомъ имѣть небольшую флотилію, которая оживила бы пустынные воды Каспія, но дѣло это, къ сожалѣнію, не получило хода.

№ 275.

Москва, 19-го декабря.

А.

По слуху, подтверждаемому сегодняшними телеграммами, Порты объявила, что не приметъ участія въ конференціи, если имѣется въ виду измѣнить условія ультиматума, препровожденнаго ею въ Аѳины, или поднять вопросы территоріальнаго и административнаго свойства. Другими словами, Порты удостоить принять участіе въ конференціи лишь въ томъ случаѣ, если великія державы всепокорнѣйше подчинятся волѣ Турціи и заранее обяжутся вынудить Грецію къ принятію *невозможнаго* условія турецкаго ультиматума.

Съ другой стороны утверждаютъ, будто Греція не будетъ допущена въ конференцію съ правомъ принимать участіе въ совѣщаніяхъ (которое однако даруется Турціи), и будто представителю Греціи предоставится только право отвѣчать на вопросы, которыми его почтять.

Можно ли думать, чтобы великія державы, даже сама Англія, до того утратили чувство своего достоинства, что дозволили бы Турціи предписывать себѣ законы и заранее отказывались бы отъ всякой свободы дѣйствія и сужденія? Надобно полагать, что если Турція упрется, то на нее не посмотрятъ и безъ нея постановять рѣшеніе, которое она должна будетъ исполнить. Столь же невѣроятно, будто совѣщающіяся державы хотятъ нарушить всякую справедливость отказомъ допустить Грецію въ конференцію наравнѣ съ Турціей. Зачѣмъ же бы въ такомъ случаѣ и совѣщаться? Лучше тотчасъ же объявить, что державы предадутъ независимость и достоинство Эллинскаго королевства на произволъ Порты и Австріи.

Тѣмъ не менѣе, вопреки этимъ грубымъ кознямъ, конференція состоится, и съ уча-

стіемъ ли заинтересованныхъ сторонъ, или безъ ихъ участія, соберется въ урочный день 2-го января новаго стиля. Но мало собраться, надобно достигнуть результатовъ практическихъ и полезныхъ.

Надобно, чтобы рѣшенія европейскаго ареопага не обратились въ постыдное фiasco, какъ два года назадъ случилось съ совѣщаніями и постановленіями конференціи по дѣламъ Дунайскихъ Княжествъ. Было бы позорно, еслибы эта дипломатическая гора родила только мышь, еслибы конференція ограничилась только примѣненіемъ пяти пунктовъ турецкаго ультиматума. Да и что такое сказано въ этихъ пресловутыхъ пяти пунктахъ? Первымъ и вторымъ требуется обезоружить и распустить отряды волонтеровъ, а также разоружить и не выпускать въ греческія гавани корабли подозрѣваемые въ томъ, что они снабжаютъ критскихъ инсургентовъ боевыми снарядами и съѣстными припасами. Изъ всѣхъ этихъ требованій можетъ быть принято въ разсужденіе только одно: распустить волонтеровъ. Въ этомъ греческое правительство можетъ и должно уступить, ибо пока оно не находится въ войнѣ съ Турціей, оно обязано не терпѣть формировація отрядовъ, которые вооружались бы и открыто обучались бы военному дѣлу съ явною цѣлью напасть на Турокъ. Но что касается волонтеровъ отправляющихся въ Кандію порознь и кораблей выходящихъ изъ греческихъ гаваней и подозрѣваемыхъ въ доставкѣ чего-либо критскимъ инсургентамъ, то нелѣпо требовать отъ эллинскаго правительства чтобы оно взяло на себя обязанность турецкаго жандарма. Притомъ, какъ ему отбывать эту повинность? На какое право сошлется оно, препятствуя частнымъ лицамъ и кораблямъ выходить за предѣлы королевства? Задержать ли оно ихъ по одному только подозрѣнію: „миѣ“ „кажется,“ вы отправляетесь въ Кандію; „вы похожи на волонтера, и я задерживаю“ „васъ по подозрѣнію, дабы угодить его“ „величеству султану.“ Но всего смѣшнѣе то, что турецкій адмиралъ, которому поручено поддерживать эти нелѣпыя требованія, самъ не иное что какъ волонтеръ, и не просто независимый волонтеръ, а офицеръ британскаго флота, внесенный въ списки англійскаго адмиралтейства и потому еслибы англійскій уполномоченный сталъ поддерживать требованія Турціи (что можетъ-быть онъ и сдѣлаетъ судя по тону